

21 СЕН 1986

ПРАВДА
г. Москва

Сердца, открытые настеежъ

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

САМОЕ БОЛЬШОЕ БОГАТСТВО. Хевсурское село Шатили уютно устроилось на крутом склоне горы. Как-то, направляясь сюда на юрких и жилистых лошаденках-хевсурках после долгих скитаний по узким тропам, проложенным над глубокими ущельями и обрывами (тогда автомобильной дороги еще не было), мы вышли на альпийские луга к кошарам. Известно гостеприимство горцев. Чабаны, отец и сын Чинчараули, настояли, чтобы мы спешились и разделили с ними незатейливый пастиуший обед — знаменитый тшинский овечий сыр с горячей лепешкой и чабанкаурму.

— Угощайтесь, чем богаты, тем и рады, — заметил старик.

— Богатство у нас большое, — улыбаясь, откликнулся младший. — И он кивнул в сторону пасущихся овец, которых бдительно стерегли огромные кавказские овчарки-волкодавы.

— А разве кто говорит, что вы бедны? — ответили мы.

Вот так вдруг завязалась беседа о бедности и богатстве. Запомнилась мне тогда рассказанная стариком древняя грузинская притча. Вот она:

Как-то Бедность и Богатство разоткровенничались.

— Несчастливая я, — начала Бедность. — Никто меня не любит, все враждуют со мной, сторонятся, гонят прочь. Другое дело ты, у тебя нет врагов, приносишь людям одни радости и счастье, потому все так стремятся к тебе.

— Что ты, милая, — возразило Богатство, — мне тоже нелегко. Мой первейший враг — это распроклятая людская алчность. Это она не дает мне покоя, сколько бы ни накопили, все упрекают меня, мол, мало, все не хватает. А когда я заполняю их дома, потом дрожат от страха, ночами не спят, болятса потерять накопленное. Другие при каждом стуке в дверь вздрагивают, — неправедным путем добыв меня, ждуть, что за это отвечать придется. Вот и получается, что вместе с тобой и я несчастна, людям полной радости не приношу.

— Право же интересно, — вновь начала Бедность. — Тогда что же после всего нужно человеку, что приносит ему полное счастье?

— Дружба! — сказал, неведь откуда появившийся мудрец. — Кто самый бедный и несчастный? Тот, у кого нет друга. Кто самый богатый и счастливый? Тот, у кого много верных друзей. Там, где поселилась дружба — в семье, во дворе, в доме, на улице, в селе, в городе, в стране — там все человеческие радости собираются вместе, мир и согласие, любовь и счастье...

Вот они, некоторые жизненные свидетельства этой мудрости народной.

«ВСТРЕЧА» ДВУХ ХУДОЖНИКОВ. В тот жаркий августовский день меня привело сюда, в Агудзера, редакционное задание — договориться с проводившим тут лето К. Симоновым о статье для «Правды». Уютный дом, в котором он жил, стоял у самого уреза моря. Запомнилось мне скромное убранство комнаты и в особенности этот, сколоченный из двух длинных веструганных досок стол. На нем один к одному были разложены машинописные листы будущей книги, а рядом — магнитофон. Согласившись с предложением редакции, Константин Михайлович на прощание попросил переправить самолетом из Тбилиси в Москву бобину с пленкой.

— На ней я записал свою «беседу» с великим Пиросманишвили, — улыбаясь, заметил он. А потом добавил:

— Это статья о художнике для газеты «Советская культура».

Да, многое сделал Константин Симонов для прославления не только творчества великого художника, которого он так любил и ценил, но и всей грузинской культуры. Он, будучи председателем совета по грузинской литературе Союза писателей СССР, в течение многих лет неустанно радел о работе и труде своих грузинских коллег. Искренне, всем сердцем радовался их творческим успехам, и те отвечали взаимностью. Я помню, как однажды его собрат по перу, замечательный грузинский поэт и прозаик Григор Абашидзе, сказал ему:

— Константин, да тебя в Грузии настеежъ открыты двери всех домов, да и сердца тоже!

Прошли годы, и мне в Музее искусств республики довелось быть свидетелем поистине волнующего события. Исполняя посмертную волю отца, дочери Константина Симонова — Екатерины Симонова-Гудзенко и Александра Симонова привезли в дар музею из художественной коллекции отца две картины Пиросманишвили «Семейный пикник» и «Пасхальный кутеж». «Они принадлежат народу, породившему художника», — завещал писатель.

Передавая картины, Симонова-Гудзенко сказала:

— Наши родители всегда горячо любили Грузию, ее прекрасный, гостеприимный, добрый народ. Большая дружба связывала их с деятелями грузинской культуры, и мы всегда чувствовали эту взаимную любовь, особенно во время нашего приезда с отцом в Тбилиси. Сегодня мы вновь особому ощутили отсвет той искренней привязанности, которая падает и на нас. Спасибо вам за это...

Слушал я ее и вдруг вспомнил ту давнишнюю встречу с Константином Михайловичем,

когда он передал мне пленку с записью его «беседы» с Пиросманишвили в Агудзера, и перед моим мысленным взором встала картина, как они, два сына разных эпох и народов, два художника — слова и кисти — беседуют. О чем? Конечно же, о том, чему они посвятили все свое творчество, жар своих сердец, — о человеческой верности, о дружбе и любви.

ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ.

Нет, конечно, в тот момент два солдата, ведущие бой у реки Миус, не знали, что вскоре станут... братьями, не кровными, но братьями. Впрочем, почему не кровными, если оба они пролили кровь на этом пятачке родной советской земли?

Стояли горячие в прямом и переносном смысле этого слова августовские дни 1943 года. Гвардии капитан, кавалер ордена Красного Знамени и двух орденов Красной Звезды грузин, молодой коммунист Тенгиз Узнадзе поднял стрелковый батальон в контратаку. Прикрывал его огнем своей батареи гвардии старший лейтенант, комсомолец, кавалер ордена Отечественной войны украинец Константин Терновое. И надо было случиться так, что вскоре оба, тяжело раненные в этом бою, оказались в одной палате госпиталя...

Кто не помнит замечательный фильм «Отец солдата», повествующий о перипетиях кахетинского крестьянина, спешившего в госпиталь к раненому сыну. Точно так, получив весть о тяжелом ранении сына, старый железнодорожник, коммунист Захарий Узнадзе, отправился в далекий и тяжелый путь из Тбилиси в прифронтовой госпиталь.

— Ранение тяжелое, требуется продолжительное лечение и — что главное — полный покой, — сообщили отцу врачи. Будет лучше, если сумеете позвезти домой.

— Поеду только при одном условии — возьмешь и Костю, — запротестовал Тенгиз. — Он из Одессы, не знает, что с его семьей...

О чем речь, сынок, конечно, возьму, ты у меня один сын, теперь будет два, — согласился отец, хотя знал, как ему будет трудно в дороге с двумя тяжелоранеными ребятами. Ценой больших усилий, с помощью добрых людей, помогавших пересаживать ребят с машины на машину, с поезда на поезд, Захарий наконец привез их домой. День и ночь не отходили от постели раненых мать Тенгиза, его сестры Тамара и Циала. Казалось, дело шло на поправку, но вдруг осколок снаряда, засевший в голове Тенгиза, сделал свое страшное дело. На руках у матери он умер. Не пережив горя, вскоре скончалась и она. Костя до полного выздоровления продолжал жить у Узнадзе.

Тенгиз мечтал стать врачом, — позже рассказывал нам Константин Сергеевич Терновое, — а я моряком, но, когда погиб Тенгиз, я изменил свое решение и поступил в медицинский институт.

Сегодня Константин Сергеевич — лауреат Государственных премий СССР и Украинской ССР, академик Академии наук республики, заслуженный деятель науки, профессор. У него два сына, оба врачи. Вот уже который год в день рождения Тенгиза 22 сентября Константин Сергеевич приезжает из Киева в Тбилиси, а уж 9 мая, конечно же, он у могилы своего брата в селе Самтависа. Местная школа носит имя Тенгиза, а Константин Сергеевич сельчане избрали своим почетным колхозником. И еще. Разве не о многом свидетельствует тот факт, что сын Тернового — Сергей в свадебное путешествие вместе со своей молодой женой Леной Филатовой отправились к своим в Грузию, где ждало их поистине радужное гостеприимство и тепло сердец его названных тетюшек — сестер Тенгиза.

Так эстафета дружбы, рожденная в годы военного лихолетья, продолжается...

Вспомнилось все это недавно, когда мне довелось наблюдать поистине трогательную картину проводов трех тысяч украинских ребят домой из грузинских пионерских лагерей, расположенных в живописнейшей местности Цхвари-чамия.

...В сердцах детей, так же, как и взрослых, острой болью отозвалась чернобыльская трагедия, и потому они заспешили пригласить своих сверстников из Киевской области провести летние каникулы в пионерских лагерях Грузии.

Вот торжественная линейка, посвященная закрытию лагеря, завершилась. Начался концерт художественной самодеятельности. Хозяева и гости, одетые в национальные костюмы народов нашей страны — маленькие Тенгизы и Кости, Сергей и Леночки, Иваны и Нино, Тарасы и Акакии, Акопы и Гасаны, — крепко взявшись за руки, повели грандиозный хор.

Я заметил, как у рядом стоящего и наблюдающего эту трогательную картину директора пионерского лагеря «Мшенебели» Автандила Гачава глаза увлажнились. Ветеран войны подполковник в отставке, с боями прошедший всю Украину, обращаясь к нам, заметил:

— Вот за какое счастье мы дрались. За то, чтобы вот так, рука об руку, всегда вместе, всегда рядом наша сегодняшняя детвора вошла бы в XXI мирный век.

Георгий ЛЕБАНИДЗЕ.